

«В красе заплаканной и древней...»

Газета «Менделеевская» № 2000 - 28 ноября - с. 4.

В последние дни второго тысячелетия мы отмечаем 120-летие со дня рождения Александра Блока — последнего классика золотого века русской поэзии.

31 декабря 1900-го Блок пишет прощальное стихотворение году и выходит в путь навстречу XX веку:

*И ты, мой юный,
мой печальный,
Уходишь прочь! Привет тебе,
привет прощальный
Шлю в эту ночь.*

*А я все тот же гость усталый
Земли чужой.
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой!*

Именно на рубеже веков Блок влюбляется в Любовь Менделееву, увлекается философией Сергея Соловьева, красотами символизма, переходит на филологический факультет Петербургского университета, порывает с окружающей действительностью и погружается в неземное. Обобщая свой путь, Блок сам назвал 1900—1903 гг. периодом мистической «тезы»: «Я вышел. Медленно сходили на землю сумерки зимы...»

В 33-летнем возрасте он пишет в дневнике: «Только музыка необходима. Физически другой.

Бодрость, рад солнцу, хоть и сквозь мороз. Пора развязать руки, я больше не школьник. Никаких символизмов больше — один, отвечаю за себя, один — и могу еще быть моложе молодых поэтов «среднего возраста», обремененных потомством и акмеизмом».

Нам выпало снова жить в революционную эпоху, и самая большая тема зрелого Блока — интеллигенция и революция — выступает на первый план. Не только одноименная статья имеется в виду, а все предреволюционное и последующее творчество вплоть до последнего классического стихотворения «Пушкинскому Дому» («Пушкин! Тайную свободу пели мы вслед тебе...»), до мучительного угасания в 1921 году. Берешь дневники Блока — и снова параллели, переключки, предостережения — «нераздельность и неслиянность искусства, жизни, политики».

Особо впечатляют дневники и записные книжки, потому что в них — вся подноготная правда,



желание осознать событие интимно, без оглядок на «литературу». В ноябрьские дни 1917 года (по новому стилю), накануне восстания, Блок записывает: «Вчера в Совете рабочих и солдатских депутатов произошел крупный раскол среди большевиков. Зиновьев, Троцкий и пр. считали, что выступление 20-го нужно, каковы бы ни были его результаты, и смотрели на эти ре-



Рисунки Антонии МИХАЙЛОВА

Шахматово. Главный усадебный дом.

зультаты пессимистически. Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране. Таким образом, те и другие — сторонники 'выступления, но одни — с отчаяния, а Ленин — с предвидением доброго».

Как странно это читать сегодня, в годы демонизации Ленина. Какой-нибудь Радзинский или Радзишевский не согласится

с Блоком. Что ж — гений выше последующих нападков якобы с позиций демократии. Он видит сразу самую суть.

В январе 1918 года он записывает: «Любимое занятие интеллигенции — выразить протесты: займут театр, закроют газету, разрушат церковь — протест. Верный признак малокровия: значит, не особенно любили свою газету и свою церковь». И

добавляет: «Я долго (слишком долго) относился к литераторам как-то особенно, что они — отмеченные... На деле вся их революция была кукишем в кармане царскому правительству».

В ответ на стихотворение Маяковского «Радоваться рано» с уничижительным отзывом о Пушкине и «прочих генералах классиках» поэт пишет отеческое письмо: «Не так, товарищ! Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как строительство, и так же традиционно, как оно... Зуб истории гораздо ядовитее, чем вы думаете... Разрушая, мы все еще рабы старого мира». Преодолеем ли и мы, сегодняшние, в себе это рабство разрушителей?

Вроде приходит время создавать! Еще недавно казалось глубоко символичным, что первые праздники поэзии Блока проводились в Шахматове, на поляне у огромного валуна, который один уцелел после огня противостояния и разрушения. Но сколько искренних поклонников и собратьев-поэтов собиравшись под сенью августовских деревьев! Потом усадьба начала восстанавливаться, сперва — здание начальной школы в Тараканове, где появилась экспозиция. Но

праздник стал более официальным, регулируемым органами культуры.

Новоделы не должны смущать: в 1910 году Блок сам занялся перестройкой усадебного дома, много работал физически и вообще хотел поселиться в любимых краях детства и поэтических пенатах юности навсегда. Но ощущение трагических перемен и жизненные обстоятельства вернули его в город. И слава Богу, что музей-заповедник в Шахматово восстанавливается. Но главное, чтобы за финансовыми трудностями, разрывающимися настроениями: «А, не до поэзии...» мы не утратили ощущения блоковской России не только в шемящем позднесеннем подмосковном пейзаже, но и в своей мятущейся душе. Вот что писал на трагическом сломе веков этот давно ушедший, внешне замкнутый человек:

*Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та же, моя страна,
В красе заплаканной и древней.
Доколе матери тужить?..
Доколе коршуну кружить?*

Пока не видно конца и обнадёживающих сроков... Тем нужнее нам Блок.

Александр БОБРОВ.